

Захар ПРИЛЕПИН - про попытки расшатать РФ и РБ:

МЫ СПАСЛИСЬ - СПАСИБО ГОСПОДУ И НАШИМ ЛИДЕРАМ

Евгений ДАВУТОВ

■ С писателем, публицистом и общественным деятелем «СВ» поговорило о мироустройстве.

«ТИХИЙ ДОН» ЗА «ЛЕНТОЧКОЙ»

- Вы в книге «Незаконный» пишете, что Михаил Шолохов в «Тихом Доне» был бы Мелеховым. Но вы сами состояли в партиях, которые в чем-то в идеологическом плане противоречили друг другу. Ощущаете ли себя Григорием Мелеховым и есть ли Мелеховы среди нас?

- Интересный заход. Нет, не чувствую себя Григорием Мелеховым, потому что я не состоял в противоположных по смыслу политических партиях. Я в девятнадцатом году, с подачи моего покойного отца Николая Семеновича Прилепина, прочитал ряд публицистических статей Александра Проханова и Эдуарда Лимонова. И мои взгляды, в общем-то, не менялись с четырнадцати-пятнадцати лет.

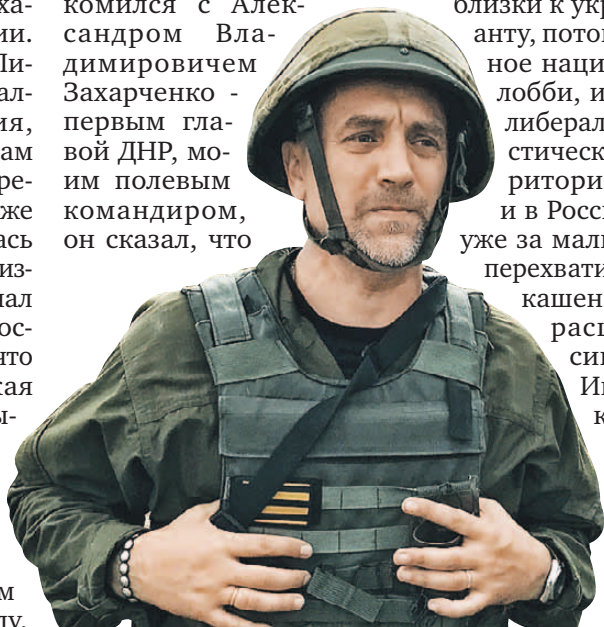
Я был советским ребенком, советским подростком и всерьез относился к своим клятвам и к своим присягам. У Александра Проханова не было своей партии. Но как только у Эдуарда Лимонова появилась национал-большевистская партия, в сущности, верная идеалам СССР, я в нее и вступил и пребывал до 2018 года. Она уже к этому времени называлась «Другая Россия», и в связи с известными событиями я начал легализацию ее внутри российской политики, потому что национал-большевистская партия к этому времени была запрещена как экстремистская. И создал свою партию, свое движение «За правду». Она исповедует ровно ту же самую идеологию. Я как был левым консерватором в 91-м году, так и остался им в 2025-м, таковым я был и в 2014 году,

и в таком качестве, с такими взглядами я посещал все военные конфликты, в которых меня судьба сподобила участвовать. Поэтому никаких метаний у меня из стороны в сторону не было.

Мы не имеем права на личные убеждения? У меня они есть, я им верен, я их отстаиваю. Любый человек, который хочет убедиться в их последовательности, может прочитать мои книги. Помимо книги о Шолохове я написал еще 24. С 1996 года пишу. Все мои взгляды зафиксированы уже в девятностые. Все эти книги переиздаются. Их можно открыть, прочитать, увидеть, что я тогда, двадцать лет назад, говорил ровно то же самое, что и сегодня.

Что касается того, есть ли герои «Тихого Дона» среди нас, - конечно есть. Когда в 2014 году я пересек «ленточку» и заехал на территорию Донбасса, сразу понял, что вернулся в контекст любимого мной романа «Тихий Дон». Что здесь все свои. Вот здесь казаки, здесь Гришка, здесь Христоня, ну и все остальные. И я, конечно, понял, что судьба моя связана с этим навеки, навсегда.

И, кстати, когда я познакомился с Александром Владимировичем Захарченко - первым главой ДНР, моим полевым командиром, он сказал, что

Жизнь Захара теперь неразрывно связана с Донецкой землей.

Андрей ВЕСЕЛОВ/РИА Новости

СОЮЗНОЕ ВЕЧЕ

ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ
ИНТЕРВЬЮ
СМОТРИТЕ
НА НАШЕМ
КАНАЛЕ В VK

несколько книг он перечитывает постоянно. Это «Живые и мертвые» Константина Симонова и «Тихий Дон» Михаила Шолохова. То есть это не какие-то мои представления о том, что все похоже, - так и было. Они все из этой донской, донецкой, донбасской истории.

ПРЯЧУТ РЫЛА ПОД МАСКОЙ

- Почему «Тихий Дон» повторился на Украине?

- Давайте честно себе признаемся, что и Россия, и Беларусь отчасти повелись и были близки к украинскому варианту, потому что прозападное националистическое лобби, или, если угодно, либеральное националистическое лобби, на территории Беларуси, как и в России, практически уже за малым готовы были перехватить власть. И у Лукашенко, и здесь. Они расшатывали Россию из всех сил. Именно эта смычка либерально-буржуазной западной публики с радикальными националистами на Украине пытается доказать, что они настоящие арии,

настоящие древние русы. И при этом бегают там со своими свастиками как полоумные.

И плюс-минус - та же самая публика в Беларуси, пока ее Батя не придавил. Она тоже пыталась накачать Великую Беларусь, прекрасный народ, всеми этими лживыми идеями: про Речь Посполитую, про литвинство. Поэтому то, что мы спаслись, - это спасибо Господу и нашим лидерам. Но зараза эта в нас была, и более того, она продолжает тлеть. Может быть, даже в Беларуси поменьше - у нас побольше. Потому что либерально-буржуазные деятели пытались доказать, что вся история СССР - зло. Социализм - зло. Выбор, который был тогда совершен, - зло. Что мы часть белой Европы, что мы часть англо-американской, англосаксонской европейской цивилизации, что все эти аулы, кишлаки, все эти Китаи, все эти чертовы Северные Кореи и Монголии - они нам даром не нужны. Что мы не оттуда.

Они в России продолжают по-прежнему вполне себе активно работать. Да, чтобы быть легальными, они отказались от либерально-буржуазной методологии и говорят, что нет, мы русские патриоты. Но это та же самая публика, которую я

застал в 2013 году в Киеве и других украинских городах. Это западники. Это этнические националисты, которые не нужны в России с ее цветущей сложностью, с ее двумя сотнями наций и народов, с ее огромными перспективами в отношении к Глобальному Югу, к чертям не нужна вся эта западническая байда.

Кстати, наш президент неоднократно говорил, что никаких этнических националистов, которые будут строить русскую республику в России, быть не должно - в смысле политического спектра. Так как каждый частный человек имеет право на любую дурь, он может верить в зеленых человечков, в русских ариев, еще во что-нибудь, но этого не должно быть в политическом спектре.

Они продолжают работу, я абсолютно убежден, что наши заклятые партнеры делают на них ставку. Они понимают, что у них либералы поломались, буржуазия поломалась, новых навалыстов не будет, что это совершенно маргинальный спектр нашего политического поля. Поэтому они будут ставить на радикальных антисоветских националистов и здесь, и, по возможности, в Беларуси, если наметятся хоть какие-то перспективы. И этот поединок не закончился.

Саур-Могила и для Донбасса, и для всей России больше, чем мемориальный комплекс, - это символ борьбы народов нашей страны против нацизма во все времена

НЕОЧЕВИДНЫЕ АВТОРЫ

■ Кого хвалит литератор.

- Русский - это имя прилагательное?

- Я не считаю, что русский - имя прилагательное. Русский - это нация, она имеет свои вполне четкие этнические формы. И я люблю, уважаю и ценю свою русскую кровь. Но она ни в коей мере не отрицает во мне любви и уважения ко всем иным нациям.

- Три книги, повлиявшие на становление вашей личности.

- Опустим Ветхий и Новый Завет и некоторые книги, в которых все написано с невероятным литературным, прямо говоря, мастерством. Не очень уместно по отношению к этим текстам, но тем не менее - это написано так, что в этом сила хранится невероятная.

А что касается меня, то я назову три романа. Помимо очевидных всем книг Пушкина, Льва Толстого, Алексея Толстого, Достоевского и Лермонтова, я хотел бы назвать книги Гайто Газданова, роман «Вечер у Клэр». Это

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ

такой белогвардеец, который очень хотел вернуться в Советский Союз, но не получилось. Гениальный писатель, осетин по национальности. Я надеюсь, мы скоро ему поставим памятник во Владикавказе.

Это роман «Дорога на океан» Леонида Леонова, великого писателя, гениального советского писателя. Беспримерного мастерства роман, такая антиутопия, футуристический, непонятый, хотя он оказал определяющее влияние, скажем, на братьев

Стругацких. Они считали это ключевой книгой в своем становлении. Он не переиздавался уже, по-моему, лет 25 - 30.

И есть такой писатель современный, Александр Терехов. Я считаю, что это одна из наивысших точек развития современного русского языка и, может быть, единственный писатель в России, которого я совершенно спокойно ставлю выше себя в любой его книге. Романы «Каменный мост», «Немцы» или повесть «Бабаев» - это все просто классика сегодня, мгновенная классика. И это нереально круто.